

Чем легче дороги, тем выше цели и уверенность в их преодолении

ЗАПАХ СНЕГА

ЦЕЛЫЙ ГОД Паша имел работу на дому. Работодатель приволок ему небольшой пресс-станок, и Павел штамповал на нем фурнитуру для обуви.

Занятие несложное, но нудное. И, к тому же, тупое. О чем он только не передумал, пока дергал ручку механизма. Даже песни в это время пел, лишь бы не свихнуться от монотонных, повторяющихся движений. Но деваться некуда — хорошо, хоть такая работа... В положении Павла это было неплохое подспорье в жизни, потому что у него не ходили ноги. Инвалидом он был из-за производственной травмы. А деньги постоянно требовались.

Известное дело — всем хочется жить получше. А у Паши была семья. Каким бы он уродом не был, а эту ячейку сохранил. И вот когда за целый год была заработана определенная сумма, глава семьи собрал домашний совет — надо было решать, куда эти деньги тратить. После недолгих дебатов остановились на музыкальном центре для сына и выходном костюме для жены. Вроде, ничего особенного... Но на следующий день все изменилось. Зина, его супруга, просматривая газеты, нашла там интересное сообщение.

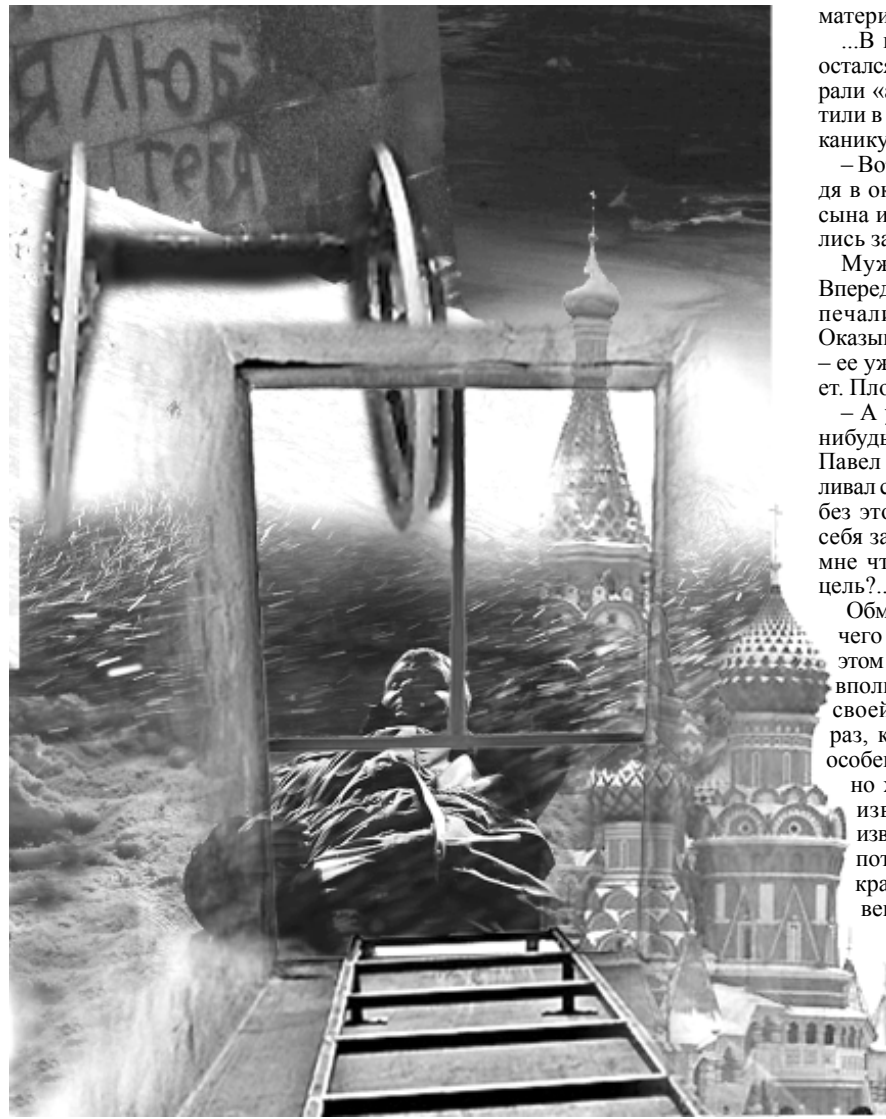
— Слушай, — восторженно произнесла она, как будто сто лет ждала этой новости. — А билеты-то на железнодорожные переезды подешевели. И как сильно! Это на зимний сезон.

— Ну и что? — муж еще не понял, к чему клонит Зинаида.

— Вот бы съездить куда-нибудь! Хоть в Москву...

Павел удивленно посмотрел на супругу — ничего себе, прибабасы! Хотя, действительно, его пацану уже шестнадцать, а он нигде не был. Стыдно сказать — на поезде и то ни разу не ездил. Проклятые деньги! Вернее, их отсутствие. С какими-то доходами не сильно разбейдись! А тут, если его отправить, он и страну всю увидит, и в столице побывает. А впечатлений сколько останется! Это же на всю жизнь! Пашка сам ездил — знает. И ведь все реально. Деньги есть. Время есть. Только от других желаний придется отказаться. Но музыка, как говорится, вечно, то есть центр никуда не денется, а вот момент надо ловить. Ведь это встреча с мечтой! И будет ли такая возможность еще...

— А что, — ответил супруге Павел, и у той заблестели глаза. — Туда, обратно... Сутки в столице. Получается неделя. Неделю я без вас продер-

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

жусь. Продукты, консервы всякие приготовишь — и все дела.

Осталось договориться с сыном. Тот заартачился. Генка — так звали парня — давно хотел занять аппаратуру с дисководом, эквалайзером и тому подобное... А тут такие перемены. «И далась вам эта Москва!»

— Эх ты, — разочарованно произнес папаша. — Запутался, как паук, в своих мелких делишках, а выше подняться не можешь. Ты поймай ощущение полета! Неужели ты не можешь почувствовать радость движения, перемен? Так и засохнешь дома, как муха в стакане. Из-за ящика с колонками с места не сдвинешься!

Паша сроду не думал, что умеет

так говорить, но инертность, пассивность сына, видимо, так завели отца, что тот сподобился на такое красноречие. Как же так? Ничего не хотеть, ни к чему не стремиться? А центр... Разве это мечта?... Нет, сынок, это не мечта. Это покупка. А тут такая возможность! И он начал рассказывать своему отпрыску про Москву, дорогу, про стук колес, про пейзажи, которые будут мелькать за окнами поезда. Про его мирное покачивание, под которое удивительно здорово спится, особенно на верхней полке. Про города, мимо которых они будут проезжать. Он говорил до тех пор, пока у Генки не появился похожий, как недавно и у его

матери, огонек в глазах.

...В итоге через пару дней Павел остался дома один. Зина с Генкой забрали «аппаратурные» деньги и уехали в Москву. Как раз были зимние каникулы... В общем, все совпало.

— Вот и все, — подумал Павел, глядя в окно на удаляющиеся фигуры сына и супруги. Те, наконец, скрылись за углом дома. — Уехали... Мужчине сразу стало грустно. Впереди неделя одиночества. Но для печали были и другие причины. Оказывается, когда мечта сбывается — ее уже как будто нет — она умирает. Плохо без мечты...

— А у меня у самого-то есть что-нибудь заветное? — вдруг вспомнил Павел и о себе. Сам недавно вдалбливал сыну про высшие материи, что без этого жить, мол, нельзя, а про себя забыл. А я куда стремлюсь? А мне что надо? И где моя заветная цель?..

Обманывал себя инвалид. Знал он, чего хотел. Просто боялся себе в этом признаться. Желание его было вполне выполнимо и пугало лишь своей безрассудностью. Каждый раз, когда Павел смотрел в окно, особенно с недавних пор, ему ужасно хотелось попасть на улицу и извазюкаться в снегу. Просто извазюкаться — и все! Да так, чтоб потом вся рожка была мокрая и красная от холодного прикосновения зимы. Боже, как давно он не чувствовал этих студеньких уколов мороза! Запаха снега и улицы. Не слышал ее шума, движения... Он не выходил из дома уже лет пять. Не меньше. Весь мир в окошке! Как надоело это общение с жизнью через стеклянную ширму. А ведь сия преграда пре-

одолима! Тут надо-то немножко — чуточку шевеления и, самое главное, смелости. Ну и что, что инвалидная коляска по ступенькам не съезжает. Со второго этажа можно и на заднице сползти. Да и подняться потом тоже можно. Свои силы Пашка знал — справится. Единственное, что его пугало, — это, скорее всего, удивленные взгляды прохожих, с которыми он наверняка столкнется после столь необычного поступка: «Что это за псих тут кувыркается!»

А Пашке и снега было мало. Еще он до безумия почему-то хотел приклониться лбом к стене своего дома. Именно со стороны улицы. И не

только лбом, а положить на ее поверхность ладошки, почувствовать все ее неровности, шероховатости. Ощутить холод и независимость камня, его отчужденность от живого, теплого мира. А не как в квартире, где все ручное и послушное, давно надоевшее до чертиков!

... Полдня Павел готовился к подвигу. Натягивал на непослушные ноги штаны, искал незнамо когда заброшенные в дальний угол перчатки. С обувью вообще мучиться не стал. Надел пару шерстяных носков — и порядок! Перед выходом перекрестился — и в дорогу!

А через некоторое время прохожие и впрямь с удивлением наблюдали, как из подъезда, сложив ноги калачиком и опираясь на руки, выбрался мужчина и умело, будто не впервой, стал передвигаться от крыльца вдоль здания к сугробам. Паша все сделал, как и задумал. Извазюкался весь в снегу, как мог. А потом, не обращая внимания на зевак, подполз к стене дома и долго-долго прижимался к серому монолиту. Со стороны он выглядел как безумец.

— Ну, вот и все, — подумал наконец искатель приключений, едва оторвался от стены. — Как быстро все закончилось. Жаль... Что дальше-то?.. Ничего, еще что-нибудь придумаем.

Лицо его было красное, грязное, мокрое и счастливое. Сегодня он замерз, испачкался и устал.

АНДРЕЙ КУДИНОВ.

P.S. Обратите внимание, в рассказе ни слова о пандусах. А как бы они пригодились главному герою сюжета. И не пришлось бы ему тогда ползать на заднице по ступеням. Но для него самый естественный образ передвигаться — именно такой! И ведь там и речи не было об этом устройстве. Все выглядело банально и просто. Это неправильно.

Предвыборная кампания сейчас, как я читал в газетах, предполагает для удобства передвижения инвалидов построить именно эту вспомогательную систему. А я боюсь — надолго ли это? И когда выборы закончатся, сколько продержатся потом пандусы? Во всяком случае, Рузвельт, еще не будучи президентом, все же умудрился заехать в Белый дом на своей коляске. Вот я и думаю, может, с малого все и начинается: чем легче дороги, тем выше цели и уверенность в их преодолении. Во всяком случае, для инвалидов. Даже они, как ни странно, тоже хотят иногда чувствовать себя немножко президентами.

НЕОЖИДАННО

Надпись на ленте

СИДИМ МЫ КАК-ТО вечером всей своей дружной семьей на кухне: ужинаем. Естественно, общаемся.

Жена говорит:

— Слышал последнюю новость? Даша не хочет учиться — замуж собралась.

Да, любопытно. Даша — подруга моей дочери, ей семь лет и она ходит в первый класс. Замуж вроде рановато.

— Ты тоже замуж хочешь? — подозрительно спрашиваю дочь Лену. Та сморщивает брезгливо носик.

— Вот еще, больно надо.

У меня от сердца отлегло. Все не так уж запущено.

— Я рад за Дашу, — говорю. — Пора ей в жизни определяться. Сколько можно тянуть? Опять же, мама Даше купит белое платье, фату, жениху костюм справят, кольца там, то да се... А ты, Лена, пойдешь к подружке свидетельницей. Правда, здорово?!

— А что я делать буду должна? — интересуется Леночка.

— Ничего. Мы тебя тоже красиво приоденем, прическу шикарную сделаем. А через плечо повесим красную ленту, на которой будет написано: «Совет да любовь».

— Не-а, — выражает несогласие дочурка. — На ленте будет написано «Единая Россия»!

Тут мы с женой чуть по пол от неожиданности не свалились. Похохотали от души.

«Бедные дети, — решил я, — Им явно нужно проводить у телевизора меньше времени».

Или я не прав?

АНАТОЛИЙ ТЮМЕНЕВ.

Боги горы Березовой

ОРИОНЕЦ

НИКТО НЕ ПОМНИТ возраста горы Березовой.

Есть люди, которые застали в этих местах динозавров. Попадались и ровесники мамонтов. Но все их доказательства растворялись, как сновидения, без следа. Пока не появился Сережа-философ.

Именно Сережа в далеком детстве видел, что на горе Березовой обитали Боги. Боги были высокие, так что их было не видно. Слышны были только их громкие — до неба — имена. Их послушно и уважительно сопровождали крылатые кони, Геркулесы-воины, поднебесные колесницы-фаэтоны.

На горе Березовой стоял жреческий храм, там звучали невидимые голоса и грозная, пугающая музыка. Сережа был уверен, что в этом храме летали привидения.

Однако мелкими, почти невидимыми хозяевами горы

были мальчишки старше Сережи. Они поднимались в храм то в виде пионеров, посмотреть кино про «Остров страданий», то на закате солнца собирались к храму в виде пиратов-разбойников и шли якобы на добычу храмовых сокровищ. Они разыгрывали сражения, стреляли из «пугачей», собирали синяки и шишки или жгли сигнальные костры, дожидаясь чуда от проходящего мимо созвездия Орион. Зимой возле храма заливали каток, чтобы эти пионеры-разбойники катались на коньках, играли в «глызку».

В жреческий храм, где были также кинотеатр и буфет, Большая Глухая Лошадь привозила на санях конфеты, печенье, пирожки и другие сладости. Так однажды Сережа был свидетелем небесного чуда. В то время, когда грузчики унесли кошелки с товарами в храм, пионеры-пираты распрягли Большую Глушую Лошадь, развернули сани, попрыгали в кузов человек пятнадцать и со свистом и гиком помчались с горы Березовой вниз

незнамо куда... На погибель. Так во все времена поступали только мальчишки...

Тогда-то Сережа и увидел впервые Орионца. Он упал с неба в виде радужного луча. Он цепился в задранные к небу оглобли, он выбрасывал мальчишек из саней в сугробы, и они разбегались в разные стороны, как будто сугробы. Наконец пустые сани на страшной скорости врезались прямо в новую витрину магазина под названием «Березки».

— Что это было? — спрашивали испуганные продавцы.

— Что это было? — спрашивали одинокого Сережу Геркулесы-милиционеры. А Сережа шептал: «Это упало с неба».

Допросили и Большую Глушую Лошадь. И хотя Большая Глухая Лошадь знала имена всех пионеров-разбойников, она их не выдала, потому что любила есть сухарики из божественных мальчишеских рук и называла их про себя — «Боги горы Березовой».

РИММА ДЫШАЛЕНКОВА.